

УДК 323(470+571)

ББК 66.3(2Рос)

DOI 10.22394/1682-2358-2019-4-99-106

I.V. Suslov, Candidate of Sciences (Sociology), Docent of the History, Politics and Sociology Department, Saratov State Academy of Law

A.A. Makovsky, Candidate of Sciences (Politics), Senior Lecturer of the History, Politics and Sociology Department, Saratov State Academy of Law

CURRENT TRENDS IN RELIGIOUS SECURITY RESEARCH IN THE LOWER VOLGA REGION

The analysis of the results of modern scientific research in the field of fixing social and political risks and threats to national security related to the religious factor in the political process in the Lower Volga Region is presented. The authors determine the main trends in studying the specificity of ensuring religious security in Russian regions.

Key words and word-combinations: national security, religious security, threats to national security, state-confessional relations.

И.В. Суслов, кандидат социологических наук, доцент кафедры истории, политологии и социологии Саратовской государственной юридической академии (email: suslov85@inbox.ru)

А.А. Маковский, кандидат политических наук, старший преподаватель кафедры истории, политологии и социологии Саратовской государственной юридической академии (email: aamakovsky@mail.ru)

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В ОБЛАСТИ ИССЛЕДОВАНИЯ РЕЛИГИОЗНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В НИЖНЕМ ПОВОЛЖЬЕ*

Аннотация. Представлен анализ результатов современных научных исследований в области фиксации реальных общественно-политических рисков и угроз национальной безопасности, связанных с религиозным фактором в политическом процессе Нижнего Поволжья. Определены основные тенденции изучения специфики обеспечения религиозной безопасности в российских регионах.

Ключевые слова и словосочетания: национальная безопасность, религиозная безопасность, угрозы национальной безопасности, государственно-конфессиональные отношения.

Постсекуляризация политики и появление новых религиозных угроз для обеспе-

* Исследование выполнено при поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-011-00389 «Религиозная безопасность в Нижнем Поволжье: современное состояние и технологии стабилизации».

чения суверенитета Российского государства актуализировали научный интерес к проблемам религиозной безопасности. Традиционно в отечественной научной литературе религиозная безопасность рассматривается в рамках проблемы обеспечения национальной безопасности, государственно-конфессиональных отношений, духовной безопасности и раскрывается как некое состояние защищенности личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз, возникающих в религиозной сфере, необходимое для стабильного конституционного развития Российской Федерации [1, с. 49]. Отметим, что угрозы религиозной безопасности России представляют собой целый комплекс условий и факторов нарушения конституционных прав человека и гражданина, суверенитета и территориальной целостности России. Безусловно, данные угрозы носят общенациональный характер, при этом в каждом регионе Российской Федерации они дополняются и конкретизируются с учетом внутренней специфики.

Особый интерес вызывает религиозная и национальная ситуация в Нижнем Поволжье — регионе, прилегающим к нижнему течению Волги, объединяющему Астраханскую, Волгоградскую и Саратовскую области и Республику Калмыкия. Нижнее Поволжье представляет собой религиозный центр Евразии, объединяя в себе не только православную и исламскую культуры, но также буддизм, иудаизм, католицизм, протестантизм (проникновение которого связано с историей немцев Поволжья). По своему геополитическому значению Нижнее Поволжье является «буферной» зоной между Российской Федерацией и Средней Азией, так как весь миграционный экономический транзит к центру России пролегает через приграничные территории данного региона.

В данной статье ставится задача анализа и систематизации угроз религиозной безопасности, представленных в научных трудах авторов астраханской, волгоградской и саратовской научных школ, а также определения основных тенденций изучения специфики обеспечения религиозной безопасности в указанных регионах.

Исходя из анализа научного массива, следует отметить, что наиболее острой религиозной угрозой для Нижнего Поволжья является радикальные религиозные проявления (в частности ваххабизм) и различные транснациональные террористические организации [2; 3]. В экспертных докладах Этнологического мониторинга, подготовленных Институтом этнологии и антропологии РАН [4, с. 79], отмечалось распространение ваххабитской активности в большом количестве районов Астраханской, Волгоградской, Саратовской областей. По мнению астраханского исследователя А.В. Сызранова, основным фактором конфессионального риска является близость субъектов к радикальному исламскому миру Северного Кавказа и Прикаспия, способствующая активизации миграционных потоков представителей мусульманских конфессий [5, с. 19].

Проблема радикализации религии тесно связана с культурно-конфессиональной идентичностью и религиозными конфликтами. Ряд таких авторов, как Е.М. Мирошникова и О.И. Сгибнева [6, с. 62], И.А. Дорошин [7, с. 93], В.В. Штонда [8, с. 171], В.С. Дрягалов, М.С. Топчиев [9, с. 61], В.С. Слобожаникова [10, с. 165] отмечают угрозы и риски, которые скрыты в размывании культурно-религиозного ландшафта России, сопровождающемся потерей ре-

лигиозных традиций ее народов в связи с ускоряющейся глобализацией. Отказ от традиционных для России религий в пользу деструктивных происходит под влиянием активного прозелитизма агентов транснациональных религиозных организаций. М.А. Липчанская [11, с. 4] выделяет прозелитизм как угрозу не только для личности, но и для общественной безопасности в целом. А.П. Романова и М.С. Топчиев [12, с. 169], И.А. Голиков [13, с. 52], А.В. Кузьмин [14, с. 149] также подчеркивают деструктивную направленность деятельности нетрадиционных для российского общества религиозных объединений отечественного и зарубежного происхождения.

Таким образом, проблема культурной мозаичности обретает на российской почве Нижнего Поволжья новое оформление. Распространение радикального ислама, а также различных деструктивных христианских учений, восточных эзотерических практик и новых религиозных движений (преимущественно западного происхождения) нередко в форме тоталитарных сект рассматривается экспертным сообществом как проявление топоса «детерриториализации религии» [15, с. 56] и в качестве угроз для российской цивилизации (и ее традиционных религий как духовной основы).

В каждом регионе Нижнего Поволжья существует своя специфика видения религиозной безопасности, угроз и механизмов обеспечения. В астраханской научной школе в вопросе исследования религиозной безопасности особый интерес представляют работы М.С. Топчиева. Исследователь отмечает следующие негативные факторы формирования системы конфессиональной безопасности: отсутствие четкой концепции общегосударственной конфессиональной политики и разработанного законодательства, отсутствие постоянно ведущегося межконфессионального диалога на федеральном уровне, спонтанный характер взаимоотношений государства и религиозных организаций, связанный с сиюминутными потребностями политических лидеров воспользоваться религиозным фактором для достижения целей, конкуренция духовных управлений мусульман.

Из позитивных факторов формирования системы религиозной безопасности М.С. Топчиев указывает следующее: благожелательное отношение к поликонфессиональности на уровне как государства, так и региона, учет руководством области современной геополитической ситуации и фактора внешнего воздействия, внимание федерального центра к Астраханскому региону. Основные риски религиозной безопасности Астраханской области М.С. Топчиев определяет следующим образом:

1. Миграционные потоки из исламских регионов, обладающие риском распространения радикального ислама и ростом межконфессиональных конфликтов на бытовой почве.
2. Транснациональные религиозные сети, особенно исламистского характера.
3. Гражданско-правовые и хозяйственные споры, освещающиеся в СМИ как религиозные конфликты.
4. Акты разжигания межконфессиональной вражды, религиозного вандализма и хулиганства [16, с. 99].

В Астраханской области в 2017 г. проводился экспертный опрос по вопросам религиозной безопасности. По мнению экспертов, самым распространенным видом религиозного экстремизма в Астрахани является интраконфессиональный

(внутриконфессиональный) (49% экспертов), на втором месте — экстраконфессиональный (межрелигиозный) (30% экспертов). Остальные типы религиозного экстремизма (лично-ориентированный, этнорелигиозный, религиозно-политический, социальный) не актуальны [17, с. 101]. Таким образом, угрозой для религиозной безопасности выступают внутренние споры между различными ответвлениями в христианстве или исламе. Следовательно, основная опасность исходит от глобальных религиозных сетей [18, с. 54], которые в первую очередь способствуют распространению нетрадиционных для России христианских, мусульманских, буддистских и околорелигиозных культов.

К негативным факторам религиозной дестабилизации относится распространение деструктивных транснациональных новых религий с помощью интернет-ресурсов. При этом исследователи указывают, что историческая поликонфессиональность региона является благоприятным ресурсом для поддержания толерантности к религиозной инаковости. Повышение культурной гетерогенности в публичном пространстве, распространение, например, моды среди девушек-мусульманок на ношение хиджаба не воспринимается представителями остальных конфессий как угроза [8, с. 172].

В волгоградской политологической школе С.А. Панкратовым и Е.М. Дриновой подробно исследуется проблема политизации религии в XXI в., которая создает определенные общественно-политические риски национальной безопасности [19]. Е.М. Дринова выделяет угрозы для развития идей либерализма в исламской среде [20]. Политизация ислама нередко выражается в появлении различных религиозно-политических доктрин, отрицающих демократические ценности. Соотношение демократических, либеральных ценностей и традиционного ислама — это тот фактор, от которого зависит возможность взаимодействия традиционных исламских организаций и органов государственной власти. Например, теория «исламского пути развития» декларирует стремление к миру, социальной справедливости, демократии, равноправию всех народов и наций, что противоречит идейным основаниям радикального «ваххабизма», который многими воспринимается как основной источник проблем. Н.В. Пискунов определяет диалог культур в контексте этноконфессионального кроссинга гражданского общества и государства как основной тренд публичной политики в XXI в. [21, с. 205].

В Волгоградской области исследователи отмечают ряд положительных изменений в межконфессиональных отношениях. Однако А.Г. Нестерова указывает на негативные тенденции, наметившиеся в религиозной ситуации за последние несколько лет. В первую очередь речь идет о «национализации» религии — возникновении жесткой связи между этнической и конфессиональной идентичностью, что опасно усилением националистических настроений. Национализация и внутренняя авторитарность характерны для ислама, православия, а также в той ли иной степени и для остальных религий и верований России. В то же время в Волгоградском регионе наблюдается рост ксенофобных настроений. Основное раздражение вызывают мигранты, которые в большинстве своем представляют ислам. Всплеск ксенофобии в Волгоградской области был обусловлен рядом террористических актов, осуществленных на территории области исламскими боевиками (2000, 2011 и 2013 гг.) [22].

Волгоградские политологи выделяют еще одну новую тенденцию: вербовщики из террористической организации «Исламское государство» все чаще привлекают молодых граждан славянской национальности. Е.В. Ефанова и Е.М. Дринова, изучив распространение исламского радикализма в молодежной среде, отметили девальвацию традиционных ценностей, деидеологизацию массового сознания, правовой нигилизм среди молодежного сообщества, создание социально-политического дисбаланса в результате иммиграции. В качестве факторов радикализации молодежи называются: делегитимация власти, дестабилизация внутривнутриполитической обстановки в стране, разжигание ксенофобии и религиозной нетерпимости, отсутствие системы социальных гарантий и чувство незащищенности [23, с. 249].

И.В. Барышникова, Е.О. Беликова, А.Г. Нестерова провели социологическое исследование и отметили необходимость повышения уровня религиозно-педагогической подготовки специалистов, работающих в области государственно-религиозных отношений и юридической подготовки официальных представителей различных религиозных организаций. В докладе указано, что большинство респондентов черпает информацию о религиозных организациях и о религиях из СМИ, что формирует искаженные представления у населения о религиозной ситуации в стране и регионе [24, с. 139].

Лейтмотивом исследований волгоградской научной школы является проблема политизации религии. При этом особое внимание уделяется общественно-политическим рискам, связанным с молодежью, так как основные угрозы исходят от потери религиозной идентичности молодых граждан и их радикализации. Механизмы гармонизации молодого поколения представлены в работе Р.М. Петруновой, В.Д. Васильевой, Н.В. Дулиной [25], раскрывающих опыт по формированию гражданской идентичности в высшем учебном заведении.

Особое внимание проблемам религиозных угроз уделяется в саратовской научной школе политической регионалистики. В.С. Слобожникова определяет религиозную безопасность как составной элемент национальной безопасности, описывает институциональный потенциал разрешения религиозных противоречий в Саратовской области и анализирует деятельность власти и реакцию общества, связанные с трансформацией государственно-конфессиональных отношений. Исследователь констатирует формирование в Российской Федерации особого понимания светскости, подразумевающей тесные партнерские отношения между государством и конфессиями.

В.С. Слобожникова вводит понятие «религиозный ресурс государства» [10, с. 165] и отмечает, что попытка государства достичь с помощью религиозных групп определенных политических целей может повлечь за собой негативную реакцию со стороны общества и конфессий, дестабилизировать обстановку и внести угрозу религиозной безопасности. Серьезная угроза для религиозной безопасности видится в активной миссионерской деятельности нетрадиционных для России религий и усилении миграционных потоков (особенно из Средней Азии), которые несут в себе угрозу религиозной безопасности [26, с. 192; 27; 28].

Представитель саратовской школы А.А. Маковский среди религиозных угроз национальной безопасности выделяет конкуренцию религиозных организаций между собой, властную дифференциацию религиозных организаций. Предупреж-

дение социальной напряженности, по мнению исследователя, видится в развитии механизмов политического управления на нормативном, информационно-коммуникативном и политическом уровнях. Для минимизации конфликтных ситуаций обеспечения религиозной безопасности важно законодательно закрепить основы вероисповедной политики, организовать открытые обсуждения государственно-конфессиональных практик, осуществить переход от единичных проектов социально-политического партнерства к системному сотрудничеству [29, с. 226].

В диссертационном исследовании М.А. Пегашевой представлен сравнительный анализ взаимодействия органов государственной власти и религиозных организаций по вопросам гармонизации населения в Астраханской, Волгоградской и Саратовской области [30]. В работах саратовских исследователей О.А. Лиценбергер, Н.В. Семенова проанализирована динамика изменения этноконфессиональной структуры населения, выявлены ключевые причины возникновения конфликтов в данной сфере, определены основные направления их политического регулирования и предупреждения [31; 32, с. 144].

Работы ученых доказывают факт особой угрозы от деятельности нетрадиционных для российского общества религиозных объединений деструктивной направленности, чей прозелитизм представляет собой навязчивое стремление обратить других в свою веру. Процесс глобализации и вестернизации актуализирует угрозу потери религиозных традиций народов России, духовных скреп [13, с. 49].

В научных кругах существует мнение о необходимости принятия закона о запрете прозелитизма. При этом особенностью саратовской ситуации является активная деятельность неоязыческих организаций, которые И.А. Голиков сравнивает с исламскими радикалами [13, с. 49]. Например, «Misanthropic Division» выступающее за установление мирового господства «белой расы», как и исламские экстремисты, не имеет единого командования и представляет собой сеть автономных ячеек, ведущих работу на территории нескольких государств. И исламские радикалы, и славянские язычники разделяют идеи воинствующего антиамериканизма, одобряют силовые методы борьбы с социальной несправедливостью, а главным инструментом рекрутинга выступает соблазнение молодых людей возможностью поучаствовать в реализации некой высокой идеи, и исламисты и неоязычники рассматривают христианство как врага (причем слабого).

Таким образом, в саратовской научной школе религиозная безопасность рассматривается как элемент государственно-конфессиональных отношений, в которых существуют деструктивные, нейтральные и партнерские религиозные организации по отношению к органам власти, а также как элемент национальной безопасности, которую необходимо постоянно совершенствовать через нормативно-правовую базу.

Анализ современного научного массива в области исследования религиозной безопасности в Нижнем Поволжье позволил выявить несколько тенденций. Во-первых, религиозная безопасность в научной литературе рассматривается с точки зрения национальной, духовной безопасности, государственно-конфессиональных отношений, правового обеспечения прав свобод совести и вероисповедания [33; 34]. Во-вторых, исследователи выделяют общероссийские угрозы национальной безопасности: религиозный экстремизм, прозелитизм,

потерю религиозной идентичности и религиозной культуры, деятельность деструктивных религиозных групп. В-третьих, в Нижнем Поволжье существует региональная специфика религиозных рисков. Это прежде всего «примитивное» понимание принципа светскости со стороны СМИ, граждан, истеблишмента, радикализация молодежи, миграционные риски, смена национального и конфессионального портрета региона, недостаток квалифицированных кадров, разобщенность религиозных лидеров. В-четвертых, несмотря на наличие большого количества работ, предложенные механизмы обеспечения религиозной безопасности размыты и сводятся к силовым методам и правотворчеству. При этом недостаточное, на наш взгляд, внимание уделено проблемам «религиозных войн» на примере Шри-Ланке и Новой Зеландии, а также выявлению роли религиозного фактора в цветных революциях.

Библиографический список

1. *Тарасевич И.А.* Конституционно-правовые основы религиозной безопасности Российской Федерации: дис. ... д-ра юрид. наук. Тюмень, 2015.
2. *Лепехин А.А.* Религиозно-политический экстремизм и радикализм: понятие и истоки возникновения в прикаспийском регионе // *Право и глобальный социум.* 2016. № 1. С. 54–59.
3. *Панкратов С.А., Редькина О.Ю.* Этноконфессиональные факторы обеспечения стабильного и безопасного развития Волгоградской области // *Политическое регулирование региональных этноконфессиональных отношений: особенности, новации, перспективы* / отв. ред. А.А. Вилков. Саратов, 2016. С. 145–151.
4. Межэтнические и конфессиональные отношения в Приволжском федеральном округе: экспертный доклад / под ред. В.А. Тишкова, В.В. Степанова. М.; Ижевск, 2013. С. 79–86.
5. *Сызранов А.В.* Государственная политика России по борьбе с исламским экстремизмом на территории Поволжья в конце XX – начале XXI в. // *Каспийский регион: Политика, экономика, культура.* 2013. № 2. С. 19–24.
6. *Мирошникова Е.М., Сгибнева О.И.* Религиозная политика светского государства в условиях религиозного многообразия // *LogosetPraxis.* 2017. № 3. С. 62–73.
7. *Дорошин И.А.* Глобальное измерение религиозного протеста в обществе риска // *Век глобализации.* 2013. № 2. С. 93–100.
8. *Топчиев М.С., Штонда В.В.* Трансформация отношения к хиджабу как к маркеру чужого в современной культуре // *Каспийский регион: политика, экономика, культура.* 2017. № 3. С. 171–179.
9. *Дрягалов В.С., Топчиев М.С.* Религиозная трансгрессия и религиозная идентичность молодежи на фронтальных территориях Северного Прикаспия // *Человек. Сообщество. Управление.* 2016. Т. 17, № 4. С. 61–82.
10. *Слобоженикова В.С.* Религиозность как политический ресурс Российского государства // *Политическая наука.* 2013. № 2. С. 165–176.
11. *Липчанская М.А.* Светское государство в современной России как фактор обеспечения национальной безопасности // *Вестник Поволжского института управления.* 2016. № 1. С. 4–9.
12. *Романова А.П., Топчиев М.С.* Конфессиональная политика и религиозные сети в современной России (на примере поликультурного региона – Астраханская область) // *Сети в публичной политике.* М., 2014. С. 169–176.
13. *Голиков И.А.* Классификация славянских неоязыческих культов: проблемы идентификации в сети Интернет // *Религиозные общности в сетевых структурах социального порядка: протестная динамика и институциональная устойчивость российского региона* / под ред. Д.А. Ченцовой. Саратов, 2018. С. 52–64.
14. *Кузьмин А.В.* Феномен деструктивности новых религиозных движений: дис. ... канд. филос. наук. Белгород, 2009.

15. *Дринова Е.М.* Национальная модель политической модернизации России и топосы политизации религии // *Власть*. 2014. № 11. С. 56–61.
16. *Топчиев М.С.* Специфика государственной политики регулирования конфессиональных отношений в полиэтничном регионе (на примере Астраханской области) // *Каспийский регион: политика, экономика, культура*. 2013. № 1. С. 99–106.
17. *Бочарникова И.С., Постнов С.Д.* Роль традиционных религий в противодействии религиозному экстремизму: региональный аспект // *Каспийский регион: политика, экономика, культура*. 2017. № 1. С. 101–107.
18. *Дринова Е.М., Панкратов С.А.* Политизация института религии в условиях модернизации российского общества и государства // *Наука Красноярья*. 2016. № 5.
19. *Панкратов С.А., Дринова Е.М.* Многообразие моделей модернизации и политизации религии: теоретические и практические аспекты // *Право и политика*. 2015. № 1 (181). С. 19–24.
20. *Дринова Е.М.* Политическая модернизация и исламские партии: тернистый путь к нелиберальной демократии // *Исламоведение*. 2014. № 1.
21. *Дринова Е.М., Пискунов Н.В.* Диалог культур в пространстве публичной политики // *СОЦИОСФЕРА*. 2017. № 4. С. 205–208.
22. *Нестерова А.Г.* Динамика религиозной ситуации в Волгоградской области (2011–2014 гг.) // *Научный результат*. URL: <https://religious.life/2017/02/nesterova-dinamika-religioznoj-situacii-v-volgogradskoj-oblasti-2011-2014/>
23. *Ефанова Е.В., Дринова Е.М.* К вопросу о распространении исламского радикализма в молодежной среде в современной России (на примере субъектов ЮФО) // *Теории и проблемы политических исследований*. 2016. Т. 5, № 5А. С. 249–257.
24. *Барышникова И.В., Беликова Е.О., Нестерова А.Г.* Религиозная ситуация в Волгоградской области // *Вестник ВолГУ. Сер.: 9*. 2009. № 7.
25. *Петрунева Р.М., Васильева В.Д., Дулина Н.В.* Опыт Волгоградского опорного университета в развитии межнационального и межконфессионального взаимодействия в регионе // *Вестник Сургутского государственного педагогического университета*. 2018. № 1. С. 161–167.
26. *Слобожникова В.С.* Религиозная безопасность современной России в контексте международных миграционных процессов // *Государство, общество и Церковь: миграция и межкультурное многообразие: материалы науч.-практ. конф. с международным участием, г. Новосибирск, 29–30 мая 2018 г.: в 2 ч. / под ред. Л.В. Савинова*. Новосибирск, 2018. Ч. 1. С. 192–196.
27. *Слобожникова В.С.* Официальная власть о религии и политике в современной России (2012–2014 гг.) // *Четверть века политической науки в российской провинции: сборник научных трудов*. Саратов, 2015. С. 55–60.
28. *Слобожникова В.С.* Корректировка государственно-конфессиональных отношений в 2016 году // *Вестник Саратовской государственной юридической академии*. 2016. № 6. С. 197–203.
29. *Маковский А.А.* Конфликтотенный потенциал государственно-конфессиональных взаимодействий в региональном политическом пространстве // *Время больших перемен: политика и политики: материалы Всерос. науч. конф. РАПН (Москва, РУДН, 24–25 ноября 2017 г.) / под ред. О.В. Гаман-Голутвиной*. М., 2017. С. 226–228.
30. *Пегашева М.А.* Взаимодействие органов государственной власти и институтов гражданского общества в сфере этноконфессиональных отношений: дис. ... канд. полит. наук. Саратов, 2011.
31. *Лиценбергер О.А.* Миграция и этнические стереотипы (по материалам социологического исследования в Саратовской области) // *Вестник ПАГС*. 2014. № 7. С. 69–74.
32. *Лиценбергер О.А., Семенов Н.В.* Этноконфессиональная ситуация в региональном политическом пространстве, экспертная оценка (Саратовская область) // *Вестник российской нации*. 2009. № 5. С. 144–161.
33. *Топчиев М.С.* Религиозные сети в контексте культурной безопасности Юга России // *Каспийский регион: политика, экономика, культура* 2016. № 4. С. 111–117.
34. *Беликова Е.О.* Поиски стратегии социологического изучения религиозной идентичности // *Мониторинг общественного мнения*. 2018. № 2 (144). С. 116–127.